

Этих-то императорских наместников местные епископы приветствовали при первоначальном прибытии их в провинции или при поездках их по краю обычными тогда широковещательными хвалебными речами. Тут до небес превозносились доблести наместников, и каждый из них описывался чуть ли не желанным всей Грецией мессией. В своем *Epistiotum'e*, обращенном к Никифору Прозуху, претору Эллады и Пелопоннеса, прибывшему в Афины, когда Андроник I был еще только соправителем юного Алексея, Акоминат взывал к нему со льстивыми словами: «Моя Аттика и некогда золотой град Афины принимают тебя за дар, вымоленный у богов». Тут оратор заставляет уже Афины самолично обратиться с речью к претору, пуская в ход ту же риторическую фигуру, какую Симмах и другие римские ораторы последней императорской эпохи употребляли относительно «престарелой Рима» или с какой еще позднее народный трибун Кола ди Риенцо и Петрарка обращались от имени «печальной вдовицы» к римским властителям.

«Ты видишь, — так вещали в 1183 г. несчастные Афины, — как меня, некогда прославленный изо всех городов, истребило время. К тому немногому, что безжалостное время от меня оставило, присоединились многие бедствия. Я превратилась в ничтожное опустелое местечко, которое пользуется известностью лишь по своему имени да по древним почтенным развалинам. Я, несчастная, некогда была матерью всяческой мудрости, наставительницей во всех добродетелях. Я во многих боях, и сухопутных и морских, побеждала персов, а теперь надо мной берут верх и немногие разбойничьи барки, и все мои приморские поселения подвергаются разграблению. Я испила до дна чашу из рук Господних и изнемогаю от голода, жажды и нищеты. Бедствия внутренние и внешние терзают меня; меч морских разбойников и страх перед сборщиками податей соделывают меня бездетной. Протяни же мне, поверженной во прах, руку, влей в меня, уми-